

Несомненными остаются три факта: 1) послание Карпова является ответом на «эпистолию» митрополита Даниила;¹ 2) автор послания был «великими скорбьми одрѣжим»;² 3) в своем послании Даниил, вообще расположенный к Карпову,³ призывал его к терпению.⁴

Трудно сказать, когда написано было ответное послание Карпова, — скорее всего спустя ряд лет после заключения Максима Грека (до осуждения Максима Грека вряд ли Карпов одновременно находился в повседневной переписке с двумя столь различными по своим общественно-политическим взглядам деятелями). В начале своего сочинения автор воздает должное писательскому таланту и учености митрополита Даниила.⁵ Далее, однако, он вступает с ним в спор по вопросу о целесообразности терпения: «Аще речем, яко трѣпение паче есть потребно к соблюдению владычества или царства, тогда вотще сложены суть законы. Тогда обычаи святые и благые уставы разьрушены и в царствех и в начальствех во градах сожительство человек живет без чину».⁶ Е. Кимеева полагает, что выступая против «терпения», Карпов протестовал против концепции идеологов самодержавия (в том числе и самого Даниила), призывавших к покорности великокняжеской власти, т. е. выступал против неограниченной власти самодержца.⁷ Действительно Карпов выступал против осифлянской проповеди терпения. Но он выступал как защитник сильной самодержавной власти против цезарепапистских претензий воинствующих церковников. «Аще бо под трѣпением жити уставиши, — пишет Карпов, — тогда несть треба царьству или владычеству правители и князи; престанет убо начальство, владычество и господство и живется без чину... ниже треба будеть судей в царстве имети».⁸ Итак, если воцарится «терпение», то нарушится система господства и подчинения в стране, не нужны будут правители и князья. Карпов отличает церковное понятие терпения, когда оно Даниилом адресуется к светским властям, от подчинения народных масс этим властям, в необходимости которого он не сомневался: каждый народ должен иметь своих царей и начальников.⁹ Людям нужно жить «под цари, иже нас в царьствех и градах своих по коегождо сподоблению праведне пасуть, неповинных защищають, вредимых разьрешають, вредящих

¹ «Ныне убо что отвещаю тебе и како пресветлейшей эпистолии твоей конец наложити возмогу» (В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 17).

² Там же, стр. 106.

³ «Славиши мя честию, ей же убо недостоин есмь, везде о мне проповедаеши и писанин твоими угоднейшими мене чевствуа, поздравляеши» (там же, стр. 107).

⁴ «Веледушна мя твориши к терпению» (там же, стр. 108).

⁵ Е. Н. Кимеева говорит, что преувеличенность этих похвал свидетельствует «об ироническом отношении к адресату» (ук. соч., стр. 225). Скорее мы имеем дело с обычной книжной риторикой публициста XVI века.

⁶ В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 108.

⁷ Е. Н. Кимеева (ук. соч., стр. 230 и сл.), вслед за И. У. Будовницем, считает, что Карпов протестовал против осифлянской концепции, согласно которой подданные должны покорно и терпеливо переносить все дела монарха — «справедливые и несправедливые» (И. У. Будовниц, ук. соч., стр. 184). Тут уже неудачно изложены взгляды осифлян, которые отнюдь не оправдывали все дела монарха. Иосиф Волоцкий писал: «Аще ли же есть царь, над человеком царьствуя, как собою же имати царьствующа страсти и грехи, сребролюбие же и гнев, лукавство и неправду, гордость и ярость, злейши всех неверие и хулу, — таковий царь не божий слуга, но диавол, и не царь, но мучитель... и ты убо такового царя или князя не послушаеши» («Просветитель» Иосифа Волоцкого, стр. 324—325).

⁸ В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 109.

⁹ «В всяком языке и людех треба есть быти царем и начальником» (там же, стр. 110).